

ТАТЬЯНА
УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

*Читайте романы
Евгении Горской в серии
«Татьяна Устинова рекомендует»:*

ЖЕНА ЦЕЗАРЯ ВНЕ ПОДОЗРЕНИЙ
ВСЕ МЫ ТОЛЬКО ГОСТИ
ПОД ЗАЩИТОЙ ВЫСШИХ СИЛ
МОЙ ДОМ — ЧУЖАЯ КРЕПОСТЬ
ДАР ИЛИ ПРОКЛЯТИЕ
СБЫВАЮТСЯ ДРУГИЕ МЕЧТЫ
ПРИЮТ МИРАЖЕЙ
КАРМА НЕСКАЗАННЫХ СЛОВ
СИЛЬНЕЕ НЕЗЕМНОЙ ЛЮБВИ
ДО ПОСЛЕДНЕГО ВЗДОХА

Евения
Горская

ДО ПОСЛЕДНЕГО
ВЗДОХА

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г70

Оформление серии *А. Старикова*
Под редакцией *О. Рубис*

Горская, Евгения.

Г70 До последнего вздоха : [роман] / Евгения Горская. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с. — (Татьяна Устинова рекомендует).

ISBN 978-5-699-92700-5

Даша Игнатъева отчаянно скучала по уехавшему в командировку мужу, поэтому разрешила себе предаться вредной привычке и ночью вышла на балкон покурить. На улице она заметила странного человека, крутившегося возле машин, но не придала этому значения. А рано утром во дворе прогремел взрыв... Погибла Ирина Сергеевна Снетко, руководившая отделом в том же научном институте, где работала Даша, и ее жених, глава процветающей компании. Но кто из них был главной мишенью убийцы? Теперь Даша поняла, что незнакомец возился возле машины совсем не случайно. И самое ужасное — он тоже заметил ее и теперь наверняка опасается, что она может его узнать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Горская Е., 2016
© Оформление.

ISBN 978-5-699-92700-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
«До последнего вдоха»

Хорошая книга!.. Таких сейчас пишут мало, ах, как мало! Читать стало пугающе нечего, несмотря на разнообразие обложек в книжных магазинах. Выручает Евгения Горская — она пишет отличнейшие детективы. Ее тексты искромётны, точны, легки и игривы, а интриги тщательнейшим образом продуманы и старательно запутаны — без помощи автора нам ни за что не разобраться! Роман читается быстро, залпом, на одном дыхании: с первых страниц затягивает в бешено бурлящий водоворот, казалось бы, не связанных событий и характерных — смешных и страшных — персонажей.

Горская в очередной раз заставляет нас вцепиться в ее новую книгу как в спасательный круг и сломя голову нестись навстречу новой, увлекательной и парадоксальной развязке.

Какой бы сногшибательно интересной и лихой ни была интрига, нам всегда нужна минута, чтобы перевести дыхание, отвлечься, осознать произошедшее. Это правило железно срабатывает и в литературе, и в жизни. Время от времени нам необходима короткая пауза, после которой можно бежать дальше. И Евгения Горская умело жонглирует сюжетными линиями, «переключает» и смешит нас — ее увлеченных и благодарных читателей. Наше внимание

легко и незаметно переключается с детективной интриги на любовную.

Я не стану пересказывать сюжет, ибо дело это неблагодарное и вообще глупое, лучше прочесть роман от первого до последнего слова!.. Для меня самым важным, помимо детективной истории, очень хорошо и интересно придуманной, оказалась именно... среда обитания героев.

На мой взгляд, дорогие читатели, эта книга хороша во всех отношениях — она умна, легка, замечательно написана и заставляет задуматься о людях, которые на самом деле заняты важной и нужной работой. Нам не так часто приходится читать о них!.. Огромное спасибо автору за возможность, которую она нам всем подарила!

Он все тщательно продумал, постарался учесть все возможные риски. Он был прагматиком, понимал, что надо не надеяться на успех, а обеспечить этот успех совершенством своего плана.

План он готовил долго, критически обдумывая каждую деталь. План получился отличным, человек был собой доволен.

И только потом, когда все уже случилось, некая надоедливая мысль не давала ему спокойно гордиться собой. Он не сразу осознал эту мысль и не сразу вспомнил, что видел в одном из темных окон дома красный сигаретный огонек.

Скорее всего, никакой опасности огонек не представлял, но чувство хорошо проделанной работы не наступало, вызывая раздражение и тревогу.

13 июля, понедельник

Ночь пахла липой. Лето выдалось холодным, липа цвела позже обычного.

Даша отодвинула створку окна лоджии, посмотрела вниз, на блестящий после небольшого дождя асфальт, и, чувствуя угрызения совести, что позволяет себе травиться, когда вокруг так восхитительно свежо, закурила.

Она впервые за три года замужней жизни осталась одна и никак не могла заснуть в пустой постели. Денис еще час назад прилетел в Мюнхен, где их фирма делала с немцами какую-то оптику, и сразу послал ей эсэмэску, а она так и продолжала ворочаться с боку на бок. Вообще-то она клятвенно обещала мужу бросить дурную привычку, но сдержать обещание все никак не получалось.

Из-за темного облака высунулся тоненький серпик убывающей луны, желтые фонари внизу высвечивали на мокром асфальте зыбкие дрожащие дорожки. Темный силуэт неожиданно возник прямо под Дашей. Человек сделал несколько шагов, наклонился к большой темной машине, стоящей среди ряда других, распрямился, пошел дальше. Даша загасила сигарету, постояла несколько минут, с удовольствием вдыхая запах липы, тянущей ветки прямо к ней, легла в постель и сразу заснула.

Взрыв под окнами раздался, когда она уселась с чашкой кофе.

Потом она отчетливо помнила чувство тупого недоумения и нереальности, которое накрыло ее тем страшным утром. Взрыв был несильный, разворотило только одну машину. О том, что при этом погибли Ирина Сергеевна и Вячеслав Аркадьевич, она узнала от столпившихся внизу соседей уже после приезда полиции и «Скорой».

Полицейские разговаривали со всеми, и с Дашей тоже, но ничего стоящего она рассказать не смогла, потому что человека, крутившегося ночью у машин, не разглядела, да и едва ли могла разглядеть при свете тусклых фонарей, да еще с высоты пятого этажа.

Нужно было позвонить на работу, но Даша, поднявшись в квартиру, почему-то не могла себя заставить, хотя погибшие вовсе не являлись ей близкими людьми.

Ирина Сергеевна жила в соседнем подъезде и была подругой Денискиной мамы, то есть Дашиной свекрови. Будущая свекровь незадолго до свадьбы через Ирину устроила Дашу в фирму, где они обе, и Даша, и Ирина Сергеевна, до сих пор работали. Работа Даше нравилась, и коллектив нравился, и она была искренне благодарна свекрови и Ирине.

Прогулы в фирме не приветствовались, Даша заставила себя взять в руки телефон, позвонила сначала начальнику, потом помощнице и подруге Свете Мансуровой.

— Ты где? — сразу заволновалась Света. — Максим тебя уже спрашивал.

— Я ему звонила, — вздохнула Даша. — Сейчас прямо под моими окнами Ирину взорвали. Ирину Снетко. И ее жениха.

— Что?! Как это взорвали? Насмерть?

— Насмерть. Взорвали машину, когда Ирина с женихом в нее садились. Они оба погибли, а больше никто. Еще соседние машины пострадали, но не сильно.

— А твоя?

— Нашу Денис, слава богу, с другой стороны дома оставил. — Радоваться целостности транспортного средства, когда погибли люди, было нехорошо, и Даша испытала угрызения совести.

— Поймали кто взорвал?

— Нет. Нас всех опрашивали.

— Не найдут, — уверенно сказала Света.

— Посмотрим. Слушай, я, кажется, его видела. Киллера. Вышла ночью покурить на балкон, а внизу мужик около машин ошивается. Правда, я его совсем не разглядела.

— А он тебя видел? — ахнула подруга.

— Не знаю. Не думаю. Света, я сегодня не приду. Если кто будет спрашивать, пусть домой звонят. Или на мобильный.

— Конечно. Не беспокойся. Выпей успокоительного, обязательно. Сейчас у тебя шок, а потом может быть нервный срыв, — запричитала Света. — Если у тебя успокоительного нет, я сейчас привезу.

— Да ну тебя, — остановила ее Даша. — Не будет у меня никакого срыва. Пока. До завтра.

Даша покрутила в руках телефон, вздохнула, позвонила свекрови и опять коротко рассказала о непридуманном утреннем кошмаре. Наталья Вениаминовна тихо заплакала, Даша ей посочувствовала.

С Ириной свекровь дружила с детства и очень радовалась, когда у подружки наконец начала складываться личная жизнь.

Ирине Сергеевне в личной жизни не везло. Когда-то ее бросил жених, она долго и тяжело страдала. Потом встречались мужчины, но все неудачно. Конечно, подробностей свекровь не рассказывала, да и вообще все это говорилось мимоходом. Впрочем, история Ирины Дашу занимала мало и была ей, в общем-то, неинтересна.

Знакомство Ирины с Вячеславом Аркадьевичем произошло случайно и прямо на Дашиных глазах. Они со Светой вышли с работы и прощались у поднятого шлагбаума, под которым со стоянки выезжала Ирина на своем «Пежо». Правда, тогда они не знали, что это машина Ирины Сергеевны, поняли потом, когда Ирина стукнула в бок откуда-то взявшийся большой джип.

Бледная Ирина вышла из машины, из джипа вылез высокий дядька с короткой стрижкой и седыми висками. Даша тогда до смерти перепугалась за Ирину Сергеевну, мужик казался законченным бандитом из девяностых, но вместо воплей и нецензурной брани произошел вполне мирный разговор.

Дядька пошутил, Ирина заулыбалась, Даша и Света попрощались и разошлись в разные стороны, поскольку ехать им нужно было в противоположных направлениях.

Потом секретарша директора рассказала Свете, что Ирина Снетко ударила машину какого-то родственника ее шефа, на свою беду, зачем-то заехавшего за шефом в тот вечер. Но у нее, то есть у секретаря, не только шеф замечательный, но и его родствен-

ники тоже, потому что обошлось все вполне мирно, Снетко угощали кофе с коньяком в кабинете директора, а потом родственник повез Ирину Сергеевну домой на своей, если честно, не слишком побитой машине.

Этот джип с уже выправленной дверью Даша потом много раз видела у своего дома. Как зовут Ирениного поклонника, сообщила свекровь, а еще подтвердила то, что Даша уже знала — поклонник является Дашиному директору родственником. Человек он одинокий и очень обеспеченный, очень Ирочку любит, и дай бог, чтобы у них все сложилось.

Одной в пустой квартире было непривычно и решительно нечего делать, Даша даже пожалела, что решила не ехать на работу. Попробовала читать новый детектив, который начала накануне, но сюжет не увлек, и она отложила планшет.

На липу за окном села серенькая птичка, покачалась на ветке, улетела. Как называется птичка, Даша не знала, посмотреть в интернете поленилась.

Давно пора было пообедать, но готовить для себя было лень, Даша выпила чаю с бутербродами, вымыла чашку и все-таки постаралась углубиться в детектив.

К Вячеславу Николай Телепин относился неплохо, при нечастых встречах с дядей жены охотно с ним беседовал, хотя вообще-то был не слишком разговорчивым и пустой родственной болтовни не любил. Вне встреч с родственником Николай о нем вообще не вспоминал, разве что когда жена напоминала, и уж совсем не мог подумать, что известие о смерти Вячеслава Аркадьевича выбьет его

из колеи настолько, что он впадет в тупое оцепенение. Чем-то другим его теперешнее состояние назвать было трудно, поскольку он, положив телефон на стол, уже минут двадцать сидел, глядя на висящий напротив портрет президента, и тихо покачивался в удобном кресле.

В кабинет заглянула секретарь, напомнила про совещание, которое он собирался созвать в два часа.

— Я сейчас уеду, — хрипло проговорил Телепин. Говорить почему-то было трудно. — Извинись за меня перед всеми.

Секретарша исчезла. Он тяжело поднялся, постоял, глядя на стопку бумаг на столе. Стол он привык оставлять чистым, но сейчас только вздохнул и направился к двери. Остановился, выключил кондиционер, еще раз огляделся, вышел и запер дверь.

Садясь за руль, пожалел, что не вызвал такси. Хотелось отвалиться на спинку сиденья, закрыть глаза. А еще больше хотелось заснуть и проспять сутки или даже несколько суток.

Он так и не понял, кто сказал жене о смерти дяди. Викуша плакала, просила его немедленно приехать. Так бывало всегда, даже в самых ерундовых ситуациях. Впрочем, сейчас ситуация была не ерундовой.

Вячеслав был крупным бизнесменом. Не олигархом, но суммами оперировал такими, которые кажутся обычному человеку совершенно нереальными. Вообще-то ни Николай, ни Вика специально состоянием дяди не интересовались, просто иногда тот упоминал о сделках, иногда вел телефонные разговоры в присутствии племянницы и ее мужа. Так что представление о его материальном положении они имели.

Дома пахло валерьянкой или чем-то похожим. Вика лежала на диване, закрыв глаза. Николай подошел, погладил жену по плечу.

— Я тебя не разбудил?

— Ко-оля, ну как же это? — Вика открыла глаза, всхлипнула. — Славик был таким хорошим человеком. Господи, ну у кого рука поднялась?

Николай был твердо уверен, что хороший в христианском смысле слова человек никогда не нажил бы у нас такого состояния, но спорить с женой не решился. Он никогда с ней не спорил. Она была маленькой и глупенькой, и он старался об этом не забывать.

— Тебе нехорошо?

— Мне ужасно. Ужасно! Я пила корвалол, но он совсем не помогает. — Жена подвинулась, освобождая место рядом с собой, — садись.

— Что у тебя болит? — Он присел на краешек дивана, поцеловал ей пальцы.

— Мне плохо. Голова кружится. — Она повернулась на бок, положила голову ему на колени. — Коленька, мне так плохо...

— Ну, лежи. — Он погладил ее по волосам. — Ты обедала?

— Нет. — Она мелко потрясла головой. — Разве сейчас можно есть?

— Лежи. — Николай опять погладил жену, встал.

На кухонном столе осталась грязная посуда, он перенес ее в мойку, вытер тряпкой столешницу. Когда-то он предлагал купить посудомоечную машину, но у Викуши начинала болеть голова от одного упоминания, что придут чужие мужики, начнут сверлить, стучать.

Николай вымыл посуду, полез в холодильник, достал готовый замороженный суп из шампиньонов, Викуша его любила. Поместил контейнер в микроволновку, стал терпеливо ждать, когда полуфабрикат разогреется.

Зашелестел шелк халатика, жена появилась в дверях, укоризненно на него посмотрела, села в уголочек.

— Ну зачем ты мыл посуду? Она завтра придет и вымоет.

«Она», то есть очередная женщина из фирмы, занимающейся уборкой квартир, приходила дважды в неделю. Грязь Николая раздражала, он несколько раз предлагал жене найти постоянную домработницу, но Викуша от таких предложений только расстраивалась. Она терпеть не может чужих людей в квартире, у нее сразу начинает болеть голова, она очень плохо спит по ночам, ей нужно обязательно отдыхать днем, и чужая тетка, конечно, будет ей мешать.

Николай лучше всех знал, что спит жена как сытый здоровый младенец, но упомянуть об этом означало смертельно обидеть Вику, и он не упоминал. Вика постоянно чувствовала себя больной, и он ее жалел. Жена была слабой, а слабых он никогда не обижал, даже в детстве.

— Кто тебе сказал, что Слава?.. — Николай разлил суп по тарелкам.

— Вадик. — Она попробовала суп, поморщилась — горячо. — Ему позвонили из полиции, он туда поехал.

Вадим был старшим Викушиным братом. Отцы у брата и сестры были разные, но ни один из них

в жизни семьи большого участия не принимал, детей растил брат матери, дядя Вячеслав.

Тещу Николай ни разу не видел, она умерла от рака как раз перед тем, как он познакомился с Викой. Собственно, знакомство и произошло у могилы Викушиной матери. Николай ездил на кладбище к деду и бабушке, редко, но весной обязательно, платил знакомому парню, давно работающему на кладбище, чтобы тот следил за могилой.

В тот день он недолго постоял, глядя на овальные фотографии на памятнике, выкурил сигарету, воровато оглянувшись, бросил окурочек в поднимающуюся вдоль дорожки траву и тут заметил невдалеке девушку. Казалось, девушка сейчас упадет, она покачивалась и слабо хваталась рукой за ограду, и Николай не понимал, почему двое стоящих рядом с ней мужчин никак на это не реагируют.

К группке на безлюдном кладбище он пошел просто потому, что троица стояла на пути к выходу. Тогда он еще не знал, что Вика — его судьба и его счастье.

— Ну-ка прекрати, — прошипел девушке мужчина помоложе. — Хоть здесь представлений не устраивай!

Человек постарше пристально смотрел на темный камень памятника, не видя или стараясь не видеть ничего вокруг.

Девушка, не отпуская ограды, села на траву, замерла, держась руками за щеки. Тот, что помоложе, повернулся к ней спиной. Николай остановился на дорожке, шагнул в сторону, опять закурил, стараясь укрыться за кустами. Пожалуй, ему никогда в жиз-

ни не было никого так жаль, как эту незнакомую девушку.

Старший отвернулся от могилы, посмотрел сверху вниз на девушку, протянул ей руку. Девушка покачала головой, мужчина пожал плечами и, не оглядываясь, зашагал к выходу. Второй в несколько шагов его догнал, даже не взглянув на сидящую на земле спутницу.

Николай тогда смотрел на девушку и не уходил.

На счастье и на горе.

— Коля, что теперь будет? — с мольбой посмотрела на мужа Вика.

— Викуша, расскажи, что тебе сказал Вадик.

— Да ничего он мне не сказал! Ему позвонили из полиции, сообщили, что машину Славы взорвали, что он погиб. Что ты трешь виски? — Николай не заметил, что держит руки у лба.

— Ничего. — Он взял ложку, попробовал суп.

— У тебя болит голова?

Испуг в голосе жены нарастал, Николай заставил себя ободряюще улыбнуться.

— Ничего у меня не болит.

— Нужно немедленно померить давление.

Вика вскочила, побежала за тонометром.

— Викуша, перестань, — попробовал он ее остановить. — Я не старый дед.

— Как будто ты не знаешь, как много народу умирает молодыми! — Она вернулась с тонометром, принялась пристраивать у него на руке манжету, он терпеливо ждал. — Ну вот, так и есть. Давление у тебя повышенное. Я сейчас позвоню кардиологу.

— Нет, — отрезал Николай и виновато улыбнулся. Он всегда чувствовал себя виноватым, отказывая жене даже в малости. — Никуда звонить не надо.

Заниматься сейчас собственным давлением, едва превышающим норму, казалось чем-то совершенно кошунственным. Ведь только что не стало Вячеслава.

— Ты ходишь по жаре, и тебе напекло голову.

— Викуша, вероятность скончаться в нашем климате от солнечного удара равна нулю.

Ему было необходимо узнать, что же произошло с Вячеславом, но он понимал, что Вика не даст ему этого сделать. Она будет цепляться за мелочи и не позволит говорить о серьезном. Говорить о серьезном ей было страшно.

— Ты что! У меня подруга упала в обморок, потому что целый день ходила по солнцепеку.

— Я не хожу целый день по солнцепеку, — успокоил он.

Позвонить Вадиму хотелось нестерпимо, но он понимал, что придется дожидаться ночи. Пока Вика не уснет, об этом нечего и мечтать.

В морге было холодно. Хотелось обнять себя руками, но Вадим сдержался, жест выглядел бы бабьим, недостойным.

Лицо под откинутым уголком простыни было совсем не тронуто взрывом.

— Это он, — хрипло подтвердил Вадим. — Левицкий Вячеслав Аркадьевич.

Потом он еще отвечал на какие-то вопросы, что-то подписывал, не читая, вопреки постоянным Славиным напоминаниям, что делать этого нельзя ни

при каких обстоятельствах. Впрочем, Вадим и раньше редко следовал Славиным указаниям.

Казалось, что рядом с парнями из полиции он провел уйму времени, но на самом деле солнце стояло еще высоко, прохожие старались перемещаться в тени домов или деревьев, и веселый летний уличный гомон был в самом разгаре.

Ресторан он заметил случайно, постоял, разглядывая вывеску, решил и зашел внутрь. Есть не хотелось совершенно, не хотелось и пить, но он заказал сто граммов водки и салатик на закуску.

Водка не обожгла и не затупила мозги. Впрочем, он и без того был отупевшим, с самого утра. С того самого мгновения, когда узнал, что Славы больше нет.

Даже смерть матери не ударила по нему таким оглушающим шоком, как сегодняшнее известие. Правда, конца матери ожидали, и, как ни жестоко это звучит, ее смерть была избавлением для всех, и в первую очередь для самой умирающей.

Некстати вспомнилось, как Вика на похоронах заламывала руки, и выглядело это кошунством, потому что и Слава, и сам Вадим прекрасно знали, что в больнице Вика почти не бывала, а появившись, предпочитала через пару минут смыться.

Звонить сестре и выслушивать ее причитания было противно, и он не стал. Она была не способна любить кого-то, кроме себя, а сейчас Вадиму хотелось говорить только с теми, кто если и не любил Славу, то хотя бы уважал.

Он вылил в рюмку остатки водки, выпил одним глотком, отодвинул почти нетронутый салат, достал из кармана джинсов телефон. Пропущенных звон-

ков оказалось много, он отключил звук вызова еще утром, когда пытался позвонить Славе, а ответил ему незнакомый голос. Как ни странно, Славин телефон при взрыве не пострадал.

На звонок из Вены следовало ответить. Его приглашали прочитать курс лекций, а он еще не сказал ни «да», ни «нет». Читать лекции Вадиму было лень, но платили за это неплохо, и он готов был согласиться.

Еще утром он считал, что нуждается в деньгах. Сейчас он стал богатым человеком.

Вместо Вены позвонил Владимиру Осокину, Славиному компаньону и помощнику. Ожидая соединения, подумал, что, пожалуй, ближе Володи у него сейчас никого нет. Вика не считается, Николай тоже. Вообще-то Николай Вадиму нравился, и он искренне не понимал, как тот выдерживает его сестру.

Осокин ответил сразу и, не здороваясь, глухо сказал:

— Приезжай. Приезжай в офис, Вадик.

— Ты знаешь? — не удержался Вадим. Можно было и не спрашивать, ясно, что Володя уже все знает.

— Знаю. Полиция только что уехала. Приезжай.

— Как ты думаешь?..

— Приезжай! — в который раз повторил Осокин.

Вадим послушал короткие гудки, сунул телефон обратно в карман. По совету полицейских, которые по радио учили несознательное население способам обезопасить свое имущество, делать этого было категорически нельзя. То, что лежит в заднем кармане брюк, говорили знающие люди, самая легкая добы-

ча для воришек. Вадиму везло, у него ни разу ничего не украли.

Радио Вадим любил слушать в машине. Иногда включал и когда работал, но, работая, он переставал воспринимать все, что не относилось к работе, и тогда даже самые умные рассуждения его не занимали, он их просто не слышал.

Лезть в метро не хотелось, Вадим снова достал телефон, вызвал такси. До офиса — небольшого помещения в полуподвале старого сталинского дома — доехали быстро. Летом пробок почти не бывает.

Офис Слава снимал давно, с незапамятных времен. Менялись фирмы, которые приобретал дядя, а офис был все там же, в тихом переулке. Вадим помнил его с детства, мать брала его с собой, когда ехала к брату выпрашивать деньги. Впрочем, такое случалось нечасто, Слава следил, чтобы деньги у сестры не кончались.

Дверь, обычно запертая на кодовый замок, оказалась открытой. Вадим вошел в душный коридор, толкнул дверь Славиного кабинета, окунулся в прохладный воздух работающего кондиционера.

— Заходи. — Осокин, сидя за дядиным столом, кивнул ему на стул рядом.

— Ты знаешь, кто его?.. — Видеть Осокина на Славином месте было неприятно.

— Не дури, — поморщился компаньон. — Сейчас не девяностые.

— Кончай! — устало отмахнулся Вадим. — Мне то не рассказывай, что у него врагов не было.

— Враги есть у всех, — кивнул Осокин. — Если подумать, то и у тебя. Но бизнес у нас никто от-

нять не пытался и не пытается, это я тебе точно говорю.

— И у тебя никаких предположений?

— Никаких. Правда. У нас не настолько крупный бизнес, чтобы заинтересовать власть имущих. И не настолько мелкий, чтобы всякая шушера полезла. Я не знаю, кому выгодна его смерть.

— Она выгодна нам, — усмехнулся Вадим. — Мне и Вике. Но я его не убивал, и Вика тоже. У нее мозгов не хватит.

За окном послышался шум остановившейся машины и почти сразу стук дверцы, неясные голоса.

— Я не знаю, кто его убил, Вадик, — помолчав, признался Осокин. — Не знаю.

— Зачем ты меня звал? — Вадим встал, привалился боком к итальянскому книжному шкафу. Итальянские шкафы Слава приобрел пару лет назад, до этого мебель в офисе была дешевой, Вадиму даже казалось, что дяде нравится шокировать посетителей.

— Полиция тут немного поискала. Поговорили со всеми, компьютер Славкин забрали. Сейф заставили открыть, но там почти ничего не было. Тыщ сто деревянными, они их не тронули. Квартиру его обыскивали?

— Не знаю. Со мной разговоров на эту тему не было.

— Поезжай туда. Если есть следы к убийце, их надо искать не здесь.

— У меня нет ключей.

— Держи. — Осокин отъехал от стола вместе с креслом, выдвинул ящик, бросил на стол связку ключей. — Славка здесь запасные держал.

Вадим поднял скрепленные простым металлическим кольцом ключи, подбросил на руке.

— Володя, — наклонился к Осокину, — не сиди на его месте. Пожалуйста.

На улице уже не было жарко. Приятный ветерок трепал волосы проходившей мимо девушки, она откидывала их руками.

Пересилив себя, Вадим достал телефон, позвонил Вике.

Подошел к краю тротуара, поднял руку и через минуту ехал по направлению к Славиному дому. Девушка с непокорными волосами стояла на троллейбусной остановке, он зачем-то проводил ее взглядом, выворачивая шею.

14 июля, вторник

Он понимал, что совершает ошибку, но мысль о сигаретном огоньке в темном окне не давала покоя, и он не выдержал, поехал к дому, где накануне заложил взрывное устройство. Приближаться к ряду припаркованных машин поостерегся, постоял на углу дома, из-за кустов боярышника оглядывая окна и подъезды.

Место взрыва не было огорожено, но выделялось поврежденным асфальтом. Заряд он рассчитал правильно, никаких лишних разрушений не возникло.

Сзади раздался шум, проехала белая машина, из открытого окна донеслась негромкая музыка. Он шагнул глубже в кусты. Едва ли его заметили из проезжающей машины.

Он опять оглядел темные окна дома, сосредоточился, вспоминая, как шел вчера, рассматривая номера

машин. Дом он обвел глазами, когда заметил нужный «БМВ». Он тогда еще заставил себя постоять, не подходить к машине сразу. Огонек мелькнул между листьями растущего поблизости дерева, отчетливо вспомнил он. Поэтому он и не почувствовал тревоги, сверху, где курили, разглядеть его было практически невозможно.

Его могли разглядеть, когда он двигался вдоль ряда машин.

Он глубоко вздохнул, прикрыл глаза, заставил себя мысленно повторить вчерашний путь.

Через несколько минут он был уверен: курили на балконе третьего этажа, прямо над растущим внизу деревом.

Курящий наверху не опасен, успокоил он себя. Опознать незнакомого человека, увидев его только однажды, ночью, совершенно невозможно. С такого расстояния и днем непросто кого-то разглядеть.

Опять послышался шум машины, на этот раз проезжающий автомобиль был темным.

Ночь выдалась прохладной, в одной футболке стало холодно. Он выждал еще пару минут и не торопясь пошел к оставленной у соседнего дома машине.

Даша проснулась до будильника. Полежала, слушая негромкий птичий гомон за окном, и неохотно поднялась. Без Дениса было грустно и скучно, она быстро выпила кофе, влезла в джинсы, сколола на затылке волосы и оказалась на работе первой из лаборатории, даже раньше Светы Мансуровой. Света ездила из Подмосковья и предпочитала добираться пораньше, пока в электричках не так много народу.

Подруга примчалась через полчаса. Попыталась отпереть дверь ключом, не сразу поняла, что кто-

то ее опередил, зашуршала кодовым замком. Лаборатория запиралась на кодовый и обычный замки, и у всех сотрудников были ключи.

— Ты не спала! — ахнула Света, увидев Дашу за рабочим столом. — Я тебе говорила, что нужно принять успокоительное!

— Некролог видела? — не слушая глупостей, спросила Даша.

Внизу, в холле, висела большая фотография Ирины Сергеевны Снетко, замечательного специалиста, работающего в фирме со дня ее основания. Под фотографией в вазе стояли гвоздики, все это выглядело казенно, и Даше стало обидно за веселую остроумную Ирину.

— Видела, — кивнула Света. — Фотка хорошая, да? Ирина красивая такая получилась.

— Да, — подтвердила Даша. — Красивая.

— Вот ведь не повезло! — Света бросила сумку около своего компьютера, привалилась к Дашиному столу. — Ну ладно, друга ее убили. А ее-то зачем?

— Не повезло. Да уж. Слушай, а откуда все узнали, что ее убили? — Даша отъехала от компьютера, посмотрела на подругу снизу вверх.

— Понятия не имею. От ментов, наверное. Когда я Максиму сказала, что ты не придешь, он про Ирину уже знал. Моя бабушка всегда говорила, что плохие вести доходят быстро. — Подруга задумалась, вздохнула. — Ты правда киллера видела?

— Не уверена. Но даже если и видела, никогда его не узнаю. Ночью и знакомого-то не узнаешь.

— Мужчина?

— Я даже в этом не уверена, — призналась Даша. — Он был в брюках, это точно.

Договорить им не дали. Пришел начальник Максим, Даша принялась показывать ему результаты своих опытов, и день закрутился привычной суетой.

Перед самым обедом позвонила свекровь:

— От Дениски ничего нет?

— Я утром с ним по скайпу разговаривала, — отчиталась Даша. — У него все нормально.

— Никак не могу поверить, что нет Ирочки, — помолчав, вздохнула Наталья Вениаминовна. — Мы ведь с ней еще в детский сад ходили.

— Наталья Вениаминовна, а у нее родственники есть? — неожиданно спросила Даша.

— Тетя и двоюродная сестра, — сразу ответила свекровь. — Я у ее тетки вчера была, она в себя прийти не может. Я даже хотела с ней ночевать. Старый человек, страшно одну оставлять.

— А ее дочь?

— В Германии. Замужем за немцем, давно уже. Должна приехать на похороны. Вообще-то сестры, Ирина мама и тетя, особо дружны не были. Ну и Ира с Ксенией, с двоюродной сестрой, тоже. Встречались пару раз в год на днях рождения. Знаешь, — грустно сказала свекровь, — Ира была на редкость хорошим человеком, и ужасно несправедливо, что ее смерть ни для кого не явилась настоящим горем. Тетка попереживает и успокоится, сестра тоже. Я тоже попереживаю и успокоюсь. Еще несколько наших подруг посокрушаются. И все.

— Ну а что же хорошего, если один человек умирает, а другой потом всю жизнь страдает? — не согласилась Даша. — Это еще хуже.

Она не успела положить трубку, как прибежала Света. Глаза у подруги горели, так бывало всегда, когда Света узнавала что-то интересное.

— Ты представляешь, кому дают должность Снетко? — пританцовывая от возбуждения, спросила подруга.

— Подожди, — опешила Даша. — Как дают? Она только вчера умерла.

— Ну и что? Должность же освободилась. Ты лучше подумай, кто получит должность.

— Кто?

— Ты сядь, — посоветовала подруга. — А то упадешь.

— Не упаду.

— Сафонова!

— Кто?! — не поверила Даша.

Катя Сафонова работала чуть больше года и была моложе Даши на год. Она была родственницей какого-то большого начальника, курировавшего фирму, о чем заявила сразу. Впрочем, это и без ее заявления все знали. На своих начальников Сафонова смотрела пустыми глазами, прочих сотрудников совсем не замечала, и несчастные начальники старались от нее побыстрее избавиться. Потом как-то так получилось, что Сафонова стала кем-то вроде секретаря при заместителе директора Дерябко. Эта работа, похоже, Катю устраивала. Она давала указания от имени зама Дерябко и строго следила за их выполнением. Заму Дерябко было хорошо за сорок, он производил впечатление человека неглупого и компетентного, и Катю Сафонову считали чем-то вроде его чудачества. В конце концов, все имеют право на своих тараканов.

Когда Максим отсутствовал, к Дерябко, который курировал их тематику, вызывали Дашу, и она уже привыкла видеть в кабинете начальства Катю.

— Угу. Ничего себе, да?

— Свет, я не верю. Это уже что-то запредельное. Директор не подпишет.

— Еще как подпишет! Станет он с вышестоящим начальством ссориться! — Подруга задумалась и предположила: — Может, у них с Дерябко любовь?

— Это вряд ли, — не согласилась Даша. — На кой черт он ей нужен? Правда, меня давно поражало: как ни зайдешь к Дерябко, она всегда там.

— Это всех поражало.

— Слава богу, это проблемы его жены, не наши, — резюмировала Даша.

Все-таки известие о возможном назначении Сафоновой сильно подпортило настроение. Это отдавало каким-то фарсом, издевательством. Даша не выдержала, отправилась в закуток к Максиму. Угол, отделенный от лаборатории шкафами, служил начальнику кабинетом.

— Ты слышал, что Сафоновой дают отдел Снетко? — нависла над Максимом Даша.

— Слышал, — хмуро подтвердил он, оторвавшись от компьютера.

— Неужели это может быть? — жалко пролепетала Даша.

— А почему нет? — усмехнулся Максим. — Если можно поставить девку распоряжаться имуществом военного ведомства, почему у нас нельзя?

— До чего же противно!

— Противно, — подтвердил он.

— Но директор же должен понимать, что это бьет по его репутации! Катька — дура, с нее взять нечего, а он что, головой совсем не думает?

Максим не ответил, повернулся к компьютеру, Даша медленно пошла к своему рабочему месту.

Ночевать в Славиной квартире было непривычно и отчего-то неприятно, как будто Вадим залез сюда тайком от хозяина. Впрочем, в какой-то степени так оно и было. Племянников Слава приглашал нечасто, как правило, только на свой день рождения. В остальное время предпочитал встречаться с ними в офисе или в ресторанах. В день рождения Вадима приезжал к Вадиму, в день рождения Вики — к Вике.

Вчера Вадим едва успел доехать до Славиной квартиры, как позвонили из полиции. Мужской голос представился, но Вадим тут же забыл, как зовут собеседника. Человек из полиции хотел осмотреть Славину квартиру и известие, что Вадим уже там, его порадовало: не будет проблем с отпиранием двери.

Квартира была небольшой и беспорядочно, не по-женски, мебелированной. Вадим долго перебирал книги, бессистемно стоящие на полках. Вертел в руках фигурки кошек, которые дядя не то чтобы коллекционировал, просто покупал при случае.

Люди из полиции все не ехали, Вадим устал болтаться по квартире, сел пить чай, а потом почти не удивился, когда опять раздался звонок и тот же голос, извинившись, сообщил, что приедут они завтра. Вадиму было все равно, завтра так завтра.

Домой он не поехал, остался ночевать здесь. Единственное, что сделал вечером, это сбросил все содержимое Славиного домашнего ноутбука на

флешку. Флешки валялись в ящике стола, он взял первую попавшуюся, она оказалась пустой. Потом подумал и сунул в рюкзак сам ноутбук.

Поздно вечером позвонил Николай, Вадим рассказал ему все, что знал. Лучше бы не рассказывал, потому что утром разбудила сестрица.

— Вадик, почему ты не сказал мне, что поехал к Славе домой? — со слезами в голосе спросила Вика.

Он промолчал, ему меньше всего хотелось сейчас с ней разговаривать.

— Почему ты мне не сказал? — Голос дрожал, вот-вот должны были послышаться рыдания.

— Вика, сюда должны приехать менты. Должны были приехать вчера, но не успели и приедут сегодня. Ты желаешь с ними поговорить?

— Конечно, — удивилась сестра. — Я должна с ними поговорить. Мы должны сделать все, чтобы найти убийцу Славы.

— Ты знаешь, кто его убил? — Зря он это спросил. Сто раз обещал себе ни в какие пререкания с ней не вступать, но не получалось.

— Я знаю, что его убили из-за этой сучки.

Под сучкой она, видимо, подразумевала Ирину. Большой чуши придумать было нельзя, но на этот раз Вадим сдержался.

— Приезжай, если делать нечего, — устало согласился он.

Она примчалась быстрее, чем он предполагал. Не иначе как звонила ему уже полностью одетая.

— У тебя были ключи от квартиры? — взволнованно спросила, едва он успел отпереть дверь.

Следовало ее позлить, сказать, что, конечно же, были, но шутить не хотелось.

— Осокин дал. — Вадим вернулся в комнату, сел на диван.

Вика замешкалась, разглядывала что-то в прихожей.

— Слава повесил две твои картины, — обиженно заметила сестра и нашла в себе силы признать: — Ты хороший художник.

— Спасибо, — кивнул он.

Будь Слава жив, ему немедленно пришлось бы повесить и Викину картину, хотя бы одну. Сестра отличалась поразительной завистливостью и поразительным же умением добиваться своего.

Наконец Вика вспомнила, что хозяина квартиры больше нет, приняла скорбный вид. Если бы была лучшей актрисой, наверное, заплакала бы.

— Вадик, мы остались с тобой вдвоем.

— У тебя есть муж, — напомнил Вадим.

— И все из-за этой стервы!

— Вика, прекрати! — поморщился он.

При Славе ругать Иру сестра не решалась. При Славе она с большим сочувствием интересовалась Ирениным здоровьем и Ирениными делами. И то, что сейчас она поносила женщину, которую Славка любил, причем в его же доме, было отвратительно.

Разговаривать с сестрой не было никаких сил, но ему повезло, наконец-то приехали полицейские. Без повышенного интереса обошли квартиру, поинтересовались, не заметили ли племянники чего-то необычного, отказались от предложенного чая и отбыли.

У Вики хватило ума не приставать к ним с версией, что в Славиной смерти каким-то боком может быть виновата Ирина, и даже хватило актерского мастерства вполне натурально изобразить большую скорбь.

— Квартиру нужно продать, — запирая за полицейскими дверь, сказала она. — Во всяком случае, оценить. Сейчас спрос на квартиры упал, ты знаешь?

— Не знаю. — Вадим отвернулся от нее, приблизился к окну.

Шел дождь. Отвратительное лето стоит в этом году.

— Спрос на квартиры упал, — подтвердила Вика. — Насчет продажи нужно подумать, не отдавать же за бесценок.

— Вика, мы еще не вступили в права наследства, — напомнил он. — И я совсем не уверен, что Слава не оставил завещания. Бизнесмены серьезно относятся к таким вещам.

— Завещание? — заволновалась она. — А кому он мог все завещать?

— Не знаю.

— Нет, правда. Кому?

— Да не знаю я! Я сказал просто так. Вступим в права наследства, будем решать, как поступить с квартирой. Квартира — не самое ценное, что у него есть. Он не старичок-пенсионер.

— Ты заберешь ключи? — подумав, сестра переключилась на другое.

— Да, — твердо сказал он.

— У меня тоже должны быть ключи!

— Поищи в тумбочке в прихожей, — подсказал он. — Я как-то видел там запасной комплект.

Запасные ключи нашлись. Вика повертела их в руках.

— Ты сейчас куда? В студию?

— Домой, — соврал Вадим. В студию она могла за ним увязаться. — Я почти не спал. Поеду домой спать.

— Мне нужно к врачу. — Вика нахмурила лоб, вздохнула. — Я уже опаздываю.

Она ждала, что он спросит, по какому случаю ей понадобился врач, но он не спросил. Ему давно обрыдла ее постоянная забота о собственном здоровье.

— У меня родинка на спине. Это меня пугает. Родинки — это очень опасно.

Она опять нахмурилась, и он всерьез испугался, что сестра сейчас начнет показывать ему родинку.

Вика потопталась и наконец-то захлопнула за собой дверь.

Дождь почти перестал. Сверху он видел, как Вика протянула ладошку, пробуя падающие капли, постояла и быстро направилась к припаркованной почти у подъезда машине.

Удивительно, сестра одевалась модно и дорого, а выглядела почему-то несовременно. Может быть, потому что выбрала для себя стиль женщины постарше, за тридцать. А может быть, потому что скалывала волосы в простой пучок и очень умело наносила естественный макияж, не стараясь сделать глазки побольше, а ротик поменьше, как малышки в книжке про Незнайку.

Вика производила впечатление скромной беззащитной девушки, миловидной и умной.

Он не завидовал тем, кто становился у нее на пути.

Сестра открыла дверь машины, уехала. Вадим оторвался от окна, прошел на кухню, вымыл чашки, свою и Викину.

Он должен узнать, кто убил Славу. Он обязательно это узнает.

Вскоре после обеда заглянул Максим.

— Я сейчас уеду, — хмуро доложил Даше. — И не вернусь.

— Что сказать, если кто спросит? — удивилась Даша. Максим редко уходил с работы раньше позднего вечера.

— Так и скажи, уехал и не вернусь.

Даша только теперь заметила, что Максим сегодня выглядит плохо, старше своих лет. Уставший, серый, таким она, пожалуй, его еще не видела.

— Ты не заболел?

— Нет.

Он захлопнул за собой дверь. Даша опять уставилась в экран компьютера.

Прибежала Света, рассказала, что Ленка из соседнего отдела собирается замуж. Вчера заявление подали. Света жениха видела, он ниже невесты на полголовы. Кошмар!

Подруга посмотрела на часы, побросала в сумку телефон и косметичку, заспешила на свою электричку.

Даше спешить было некуда и не к кому, и она проработала до вечера. К дому подходила, когда уже начало смеркаться.

— Даш, привет! — окликнул ее соседский мальчишка Гоша.

Гоше было лет тринадцать, и к Даше он непонятно почему испытывал большую симпатию. Вообще-

то она не обладала способностью легко знакомиться и сходиться с людьми, просто в их с Денисом квартире раньше жили родители Дениса, а свекровь как раз таким даром обладала, и Даше соседские знакомства достались по наследству.

— Привет, — остановилась она.

— Слышала про взрыв? — подкатил на самокате Гоша.

— И слышала, и видела, — кивнула Даша.

— Прямо сам взрыв видела? — опешил сосед.

— Последствия, — вздохнула она.

— Последствия все видели. Слушай, — Гоша огляделся и заговорил почти ей в ухо: — Я его видел.

— Кого его?

— Убийцу.

— Ты видел, как он взрывчатку подкладывал? — насторожилась Даша.

— Нет, — с сожалением вздохнул сосед. — Я видел, как он шел.

— Так по улице много народу ходит.

— Я его видел, точно! Я стоял в кустах, — Гоша кивнул на сирень возле своего подъезда. — А он через улицу шел.

— Ну и что?

Гоша тяжело вздохнул.

— Слушай, — медленно заговорил он. Наверное, чтобы Даша отнеслась к его словам повнимательнее. — Киллер мог подложить взрывчатку только до двух ночи. Потому что потом на улице ремонтники работали, трубу чинили.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю, — строго сказал подросток, но потом смилостивился, объяснил: — Мама с нашим участ-

ковым разговаривала. Короче, сначала ремонтники работали, а потом парочка из третьего подъезда на лавке сидела. То есть девушка из третьего подъезда, а мужик — не знаю откуда. Ну а потом дворники вышли. В общем, я стоял в кустах. В начале второго...

— Ты курил! — догадалась Даша и осуждающе покачала головой.

— Не успел, — засмеялся сосед. — Я тихонько вышел, когда предки заснули, достал сигарету, а тут бабка Митрофанова явилась. Я при ней курить побоялся, точно предкам донесет. Ждал, ждал, а она все не уходит. Потом мужик этот прошел. Потом назад прошел. Потом мне ждать надоело, и я домой вернулся.

— Он шел в ту сторону? — Даша показала в сторону своего балкона.

— Угу.

— Минут в двадцать второго?

— Точно. А ты откуда знаешь?

— Я тоже его видела, — призналась Даша. — Только не разглядела совсем.

— И я не разглядел, — вздохнул подросток. — Я же у своего подъезда стоял, а он улицу наискось переходил. Прямо на Митрофанову шел, вот она точно должна была его видеть. Прямо около их подъезда фонарь, видишь? Только она, наверное, не видела ничего со своими кошками...

Старушка Митрофанова была кем-то вроде местной юродивой. Бабка производила впечатление нищенки, ходила сгорбившись, дружбы ни с кем из соседей не водила, а при встрече мелко и долго кланялась и подобострастно улыбалась. При этом, как

Даша знала от свекрови, была владелицей огромной, по меркам соседей, четырехкомнатной квартиры и ни одну из комнат никогда не сдавала, даже в самые трудные времена.

Больше же всего бабуля отличалась привязанностью к кошкам. Слава богу, на радость всему дому, в квартире она их не держала, а выходила по ночам кормить. Выносила десяток бумажных тарелочек, выкладывала на них мясной фарш или рыбу, терпеливо ждала, когда насытятся ее подопечные, сбегаящие на дармовую кормежку со всей округи. Столько кошек одновременно Даша раньше никогда не видела и даже не предполагала, что такое может быть в городе. Впрочем, от увлечения старушки всем была только польза — крыс в доме давно не водилось.

— Ты вот что, — вздохнула Даша, — завязывай с курением. Начать легко, потом бросить трудно, по себе знаю.

Она прочитала краткую лекцию о вреде пагубной привычки, сосед весело улыбался.

— Ладно, пока, — наконец иссякла Даша.

— Пока, — кивнул парень и умчался на своем самокате.

Воздух пах липой, не хотелось уходить с улицы. Даша медленно двинулась к своему подъезду.

Получалось, что человек, если они с Гошей видели одного и того же человека, вышел прямо к подъезду Митрофановой, миновал Дашин подъезд и свернул за угол. Потому что квартира у Даши торцовая, и балкон располагается в торце дома. Со стороны улицы человек машины не разглядывал, Гоша это обязательно заметил бы. Знал, где искать машину? Получалось, что так.

Вызвав лифт, Даша поднялась на пол-этажа, сунула руку в почтовый ящик, выбросила в стоящую рядом коробку накиданную в него рекламу.

Откуда человек мог знать, где Иринин друг обычно оставляет машину? Следил за ним? Если так, то он должен был появляться здесь раньше, и кто-нибудь точно его видел. Правда, это мало что давало, по улицам ходят миллионы людей.

Шел человек, скорее всего, от метро. Дорога от метро дворами выводит как раз к тому месту, где человек, по словам Гоши, переходил улицу. Дворами ходят в основном местные. Чужие про короткую дорогу не знают. Человек часто здесь бывает?

Телефонный звонок Даша услышала, отпирая дверь. Пугаясь в лежащих в сумке мелочах, достала телефон.

— Ты почему не отвечаешь? — сердито спросил Денис. — Весь вечер не могу до тебя достучаться.

— Я только что вошла, — призналась она, запирая за собой дверь. — Задержалась на работе.

— Что? — ахнул муж. — Какого... Какого черта ты болтаешься по ночам?!

— Еще не ночь, еще только вечер, — поправила его Даша, улыбнулась и пообещала: — Я больше не буду.

— Даш, — помолчав, попросил он, — не трепли мне нервы, я же работать не смогу.

— Не буду, — улыбнулась Даша, чувствуя себя самой счастливой на свете. — Завтра уйду, как всегда, в шесть.

Потом они еще поговорили ни о чем, и Даша поставила телефон на подзарядку.

Противно и тревожно загудела чья-то сигнализация под окном, через пару секунд умолкла.

Даша подошла к окну. На темном небе над крышами виднелись редкие звезды. Соседка Митрофанова наверняка вышла кормить своих кошек, но ее из Дашиного окна не было видно.

Возможность получить госзаказ Телепин оценивал как весьма реальную, поэтому полдня провёл, слоняясь по нужным кабинетам, а едва приехав в собственный кабинет, собрал ведущих разработчиков и мучил их, влезая в самые мелкие подробности работы.

К сожалению, почему-то отсутствовал Максим Садовников, на котором, по мнению Телепина, держался основной фронт работ. Вместо Садовникова обычно приходила девочка, фамилию которой Телепин не помнил. Впрочем, такое случалось редко, только если Садовников болел или был в отпуске, а болел Максим нечасто, разве что в эпидемию гриппа день-два сидел дома с температурой.

Сегодня не было ни Садовникова, ни девочки, вместо них пытался отчитываться Дерябко, но получалось это плохо, общие слова Телепину были не нужны, а подробностей работы зам знал меньше его самого.

— Николай Александрович, — проговорил Дерябко, когда совещание закончилось. — Удели пару минут. Дело у меня к тебе.

Телепин до смерти устал, он не успел пообедать и даже выпить чаю. К тому же наверняка уже не раз звонила Вика, а он даже не поинтересовался, что сказал врач, к которому она должна была сегодня пойти.

Разумеется, ни в какие серьезные Викины болезни он не верил, но жена так искренне пугалась, что

он опасался, как бы она действительно не заболела от переживаний.

— Конечно, Иван Степанович, — кивнул Телепин. — Садитесь.

Дерябко пересел поближе, проводил последних участников совещания взглядом, подождал, пока захлопнулась дверь.

— Ты думал, кого назначишь на место Снетко, царствие ей небесное?

Телепин почему-то ожидал, что Дерябко перекрестится, но тот только печально посмотрел на потолок.

— Нет еще, — удивился Телепин.

Ирину он искренне уважал и как спеца, и как женщину, считал выбор дяди жены вполне достойным, и ему было неприятно, что вот так сразу кто-то начинает искать выгоду от ее смерти. Впрочем, жизнь есть жизнь, Вика тоже не отложила своих проблем, несмотря на горе.

— Я хочу предложить Катю Сафонову, — наклонился к нему Дерябко.

Девушка, с которой обычно приходил к нему Дерябко, была давней ноющей головной болью. О том, что она родственница высокого чиновника, ему сразу сказал тот же Дерябко. Однако чиновник-родственник Телепину не звонил, и никто из министерства по поводу девки не звонил, и Телепин старался о ней не думать.

Думал, конечно. Держать ее в инженерах было нельзя, давать ей руководящую должность — тем более нельзя. Он делал все, чтобы научный центр работал, а не превращался в богадельню. И Телепин мечтал, чтобы девка сама поскорее перешла куда-нибудь, хоть в то же министерство.

Приходя с Дерябко, у него в кабинете девица рта не открывала, и он, как правило, быстро переставал ее замечать.

— Она в курсе работ Снетко? — сделал вид, что удивился, Телепин.

Имел право удивиться, Ирина Сафонову ни разу не упоминала, а она любила хвалить своих подчиненных. Не зажимала их, как тот же Дерябко.

— Послушай, — поморщился зам. — Есть техническое руководство и есть административное. Она же не станет диктовать технических решений, будет отпуска распределять да компьютеры покупать. Сам же знаешь, что на это обычно времени ни у кого не хватает.

— Ладно, — кивнул Телепин. — Я подумаю.

То ли от голода, то ли еще от чего, начала противно болеть голова, Телепин сжал виски, отпустил.

— Подумай, — поднялся Дерябко. — Подумай, Коля.

У двери он задержался, хотел что-то добавить, но только мотнул головой.

Намек в последних словах был явный и неприкрытый. В свое время Дерябко поддержал кандидатуру Телепина, когда его назначали директором. Ситуация тогда для Телепина сложилась крайне удачно, он только что защитил докторскую, под его руководством была выполнена работа, о которой даже упоминали в СМИ как о большом достижении российской научной мысли. Конечно, фамилия Телепина в СМИ не называлась, но все, кто был в курсе реальных дел, ее, то есть фамилию, знали.

Тогда и возникла идея создать научный центр. И тогда же выяснилось, что кроме глубоких пенси-

онеров возглавлять вновь созданное подразделение некому. К тому же премьер упорно говорил о необходимости смелее выдвигать молодые кадры. Телепин мог бы поспорить с премьером, в инженерном деле опыт имеет огромное значение, а инженерный опыт накапливается десятилетиями, но в данном случае кадровая политика сыграла ему на руку.

Дерябко был за кандидатуру Телепина с самого начала, и хотя решал вопрос, безусловно, не Дерябко, Иван Степанович считал Телепина собственным выдвигенцем. Впрочем, какой-то элемент истины в этом был. Если бы захотел, Дерябко мог бы подпортить Николаю карьеру, поскольку людей, от которых зависело назначение, знал давно и прочно.

Думать о Дерябко и Сафоновой было тошно. Он лично папу-Сафонова не знал, но понимал, что ссориться с ним опасно.

Телепин достал телефон, позвонил жене.

— Ну как, Викуша? — имея в виду поход к врачу, не забыл спросить он.

— Он меня успокаивал, — грустно заговорила Вика. — Говорит, что ничего страшного нет.

— Ну и отлично. У него большой опыт. — Врача Вике рекомендовал и очень нахваливал кто-то из ее знакомых.

— При любом опыте можно ошибиться, — тяжело вздохнула жена.

— Ну, давай найдем другого врача, — предложил Телепин.

— А как его найдешь? Не через интернет же...

Телепин чуть не спросил, почему нельзя найти кожную клинику через интернет, но вовремя сдержался.

— Коля, у тебя же много народу работает, ты поговори с ними.

— Обязательно, — заверил он. — Я поговорю, а ты не расстраивайся. Раз доктор тебя успокаивает, значит, сейчас ничего страшного нет. Постарайся не думать о плохом.

— Я стараюсь, — опять вздохнула Вика.

Голова разболелась всерьез. Можно было попросить секретаршу, но он, как обычно, сам заварил себе чай, спустился в уже закрытую столовую, купил два оставшихся пирожка с яблоком. Для него столовая всегда была открыта.

Нашел в интернете несколько кожных клиник, начал изучать отзывы. Через полчаса выбрал доктора, которого хвалили больные. Конечно, отзывы могли быть написаны и самим врачом, но тут уж ничего не поделаешь. Оставалось придумать историю, как этот врач помог кому-то из знакомых.

Обычно он старался уезжать с работы попозже, когда пробки хоть немного рассасывались, но сегодня нарушил правило. Как ни странно, до дома он добрался быстро и, обнимая в прихожей Вику, почувствовал, как уходит суета и напряжение долгого рабочего дня. Ему было хорошо с Викой. Счастье, что он ее встретил.

Бумаг в квартире было немного: документы, банковские договоры, старые фотографии. В договорах Вадим мало что понял, без интереса просмотрел фотографии и открыл Славин ноутбук.

Продвинутым компьютерным пользователем Вадим не был, но понять, что электронных адресов у дяди несколько, смог быстро. Правда, ничего ин-

тересного в электронных ящиках не оказалось, на письма от друзей-знакомых Слава успел ответить, нераскрытыми были только несколько рекламных предложений.

Захотелось есть. Вадим открыл холодильник, критически оглядел морозилку, сварил пельмени, сел с тарелкой около компьютера.

В электронных папках царил порядок. Фотографии разобраны по годам и темам, документы тоже. Он наугад открыл последние фото, на них грустила или улыбалась Ирина.

Вообще-то с племянниками Слава своих баб обычно не знакомил, он о них и не упоминал почти, познакомил только с Ириной. Вику это сразу здорово напугало, но сестра была неплохой актрисой, разговаривала с Ирой ласково и радость за дядю разыгрывала успешно.

— Мы так рады за Славу, — улыбалась Вика Ирине. — Мужчина не должен быть один, это ужасно. И мы очень рады, что у Славы такая чудесная подруга. Правда.

— Ирина — моя жена, — поправил тогда Слава.

— Слава! — не поддержала друга Ирина. — Женится в двадцать лет, а не на шестом десятке.

Пельмени оказались вкусными, Вадим отнес пустую тарелку на кухню, вернулся к компьютеру.

— Слушай, он на ней женится, — чуть не плакала сестра, позвонив Вадиму на следующий день после знакомства.

— Его право, — буркнул тогда Вадим.

— Да она прилипла к нему только из-за его денег! — запричитала Вика. — Ты что, не видишь?

И еще разыгрывает из себя бескорыстную, замуж ей, видите ли, поздно!

Если быть совсем честным, Вадим тоже не слишком радовался возможной Славиной женитьбе. Вадим был неплохим художником, картины, которые он выставлял на интернет-аукционах, раскупались хорошо, особенно за границей. Но это были совсем не те деньги, что у Славы. Совсем не те.

— Ну почему же только из-за денег? — поддел он тогда сестру. — Слава — мужик видный, красивый.

— Она оберет его до нитки! — Вика чуть не рыдала. — Оберет до нитки и доведет до инфаркта, вот увидишь. Я таких щучек знаю...

Он не представлял, откуда сестра может знать «таких щучек». Разговор с ней тогда его жутко раздражал, и он быстро распрощался. Впрочем, его раздражали все разговоры с сестрой.

Рассматривать фотографии Ирины было неловко, словно он делал что-то постыдное, недопустимое после гибели Славы. Вадим открыл папку с документами и очень скоро понял, что самостоятельно разобраться в них не сможет.

Здесь лежали копии различных договоров за два десятка лет, копии платежных документов, еще какие-то бумаги с печатями.

Можно обратиться к Володе Осокину, тот наверняка найдет подходящего человека или сам объяснит, за что и кому Слава переводил деньги. Но этого Вадиму делать не хотелось. Не потому, что он не совсем доверял Осокину, а так, на всякий случай.

Нужно найти постороннего незаинтересованного человека.

Неожиданно и громко зазвонил городской телефон. Вадим помедлил, снял трубку.

— Ты здесь? — обиженно проговорила Вика. — Ты же сказал, что уедешь.

— Я передумал. — Меньше всего ему хотелось сейчас слышать ее голос.

— Что ты там делаешь?

— Разбираю Славины бумаги.

— Зачем?

— Послушай, Вика, — опешил он, — его убили вчера, ты забыла?

— Но... что ты хочешь найти в бумагах?

— Если ты думаешь, что я пытаюсь отнять у тебя копеечку, ты ошибаешься. — Он закрыл глаза, как будто это могло помочь избавиться от ее голоса.

— Вадик, ну как ты можешь?! — Ее обида была так велика, что он уже собрался в ней утонуть. — Ну как ты можешь?.. Как я могу о тебе такое подумать?! Ты же знаешь, как я тебя люблю. Ты единственный на свете, кому я могу доверять.

— Ты вполне можешь доверять Николаю.

— Ты мой единственный родной человек...

— Ладно, Вика, прости, — перебил он. — Я неудачно пошутил.

Он опустил трубку стационарного «Панасоника», поправил косо висящий провод.

Слава к сестре относился с юмором, его она почему-то никогда не могла вывести из себя. Впрочем, Слава умел скрывать эмоции, иначе не заграбастал бы столько денег.

Вадим задумался. Вообще-то хотя бы приблизительно сумму на Славиных счетах неплохо бы уз-

нать. Наверное, в этом может помочь Осокин, но звонить Осокину не хотелось.

Викиному мужу тоже не хотелось звонить, но других вариантов Вадим не видел. Николай ответил сразу, шум в трубке свидетельствовал, что он в машине. Это было хорошо, Вадиму не хотелось, чтобы разговор велся при Вике.

— Коля, ты не можешь найти мне толкового бухгалтера? — спросил Вадим. — У Славы куча бумаг в электронном виде, я сам не разберусь.

Николай замялся, Вадим понимал, почему. Просьба директора всегда является неформальным приказом, а на этот счет Николай был крайне щепетилен.

— Я заплачу.

— Ясно, что заплатишь. Не уверен, но попробую, — пообещал Николай.

Вадим снова сел за компьютер, понял, что устал до оупения, сунул ноутбук в рюкзак, запер квартиру и поехал домой.

То ли от недосыпа, то ли еще от чего, его познабливало. Впрочем, это вполне объяснимо, лето в этом году стояло такое холодное, какого не помнили даже старожилы.

15 июля, среда

Смутное беспокойство опять тянуло к месту взрыва. Он понимал: ехать нельзя, опасно, трудно опознать человека, которого встретил однажды, но куда проще вспомнить того, кого встречал несколько раз. И все-таки он поехал.

Приближаться к дому не рискнул, стоял на другой стороне улицы, стараясь мысленно вновь проделать прежний путь. Улица была пуста. Немудрено, увеселительных заведений здесь нет, ночных магазинов тоже, а добропорядочная публика давно дома. К тому же сразу за домами начинается территория железнодорожной станции, обнесенная сплошным забором.

Тихо хлопнула дверь подъезда почти напротив места, где он стоял. Его не могло быть видно, он почти прилип к толстому стволу удачно растущего дерева. Шупленькая фигурка постояла на крыльце, шагнула вбок, в кусты.

Он пригнулся, незаметно отступил к чьей-то припаркованной рядом машине, свернул во двор, удаляясь от человека в кустах. Обошел квартал, выйдя к противоположной стороне дома. Почти прижимаясь к стене, начал приближаться к кустам, где еще мог находиться любитель ночных прогулок.

Из-под ног с мерзким шипением выскочила кошка, рядом бесшумно метнулась другая. Он замер, стараясь дышать неслышно. Через несколько минут знал: бабка впереди кормит кошек.

Он аккуратно и медленно отступил. Садясь в машину, понял, что чувство тревоги исчезло. Бабка могла видеть его в ту ночь, он переходил улицу как раз напротив. Ну и черт с ней, это не опасно. Во-первых, они едва ли когда-нибудь встретятся, а во-вторых, бабка — не фээсбэшник, чтобы разглядеть его ночью и запомнить с первого раза.

Телепин постарался подняться тихо, но Вику все-таки разбудил.

— Викуша, спи, — когда жена прошла за ним на кухню, уговаривал он. — Ложись и поспи еще.

— Не засну, — покачала головой Вика, уселась на кухонный диванчик, подогнув под себя ногу, и, видя, что он собрался варить кофе, обеспокоенно заговорила: — Коля, ну что ты делаешь? Хочешь испортить желудок? Завтракать нужно нормально, достань из холодильника творог. И свари себе яйцо.

— Творог не буду, — улыбнулся Телепин. Ему нравилось, что жена о нем заботится. — А яичницу сейчас сделаю. Хочешь яичницу?

— Так рано ничего не хочу. Сделай мне чаю.

Она походила на грустного котенка, он не удержался, погладил по-утреннему спутанные волосы, поцеловал макушку.

— Вадик вчера весь день разбирал Славины бумаги. — Вика благодарно кивнула, когда он поставил перед ней чашку с травяным чаем.

Телепин не ответил, она задумчиво покусала губы.

— Коля, нужен кто-то, кто во всем этом разберется.

— В чем разберется? — не понял Телепин.

Ему было приятно сидеть напротив нее, слушать забавный вздор. Жаль, что нужно уезжать.

— Во всем. Какие у Славы счета, какие акции...

— Вадим просил найти такого человека, — вспомнил Телепин.

Вика опустила чашку с чаем, нахмурилась, озабоченно побарабанила пальцами по столу.

— Вадик пытается разобраться во всем сам, но ему совершенно некогда. Ему нужно работать, а он тратит время на какую-то ерунду.

— Ему виднее. — Николай доел яичницу, вымыл тарелку, сковороду, налил себе кофе. — Не переживай за него, он давно взрослый.

— Ты же знаешь, я за всех переживаю, — вздохнула Вика, потеряла виски и подняла на него глаза. — Коля, нужно обязательно найти человека! И обязательно своего!

— Что значит своего? — не понял он.

— Нужен человек, которому будешь платить ты, — твердо сказала Вика. Его забавляло, что она играет в деловую женщину. — Он должен готовить информацию для нас.

— Ну а для кого еще он может ее готовить? Присвоить чужой банковский счет практически невозможно. Славинными деньгами сможете распоряжаться только вы, ты и Вадим.

— Ну как ты не понимаешь! — поморщилась Вика. — Вадика так легко обвести вокруг пальца! Он же художник, а не банкир.

Телепин сомневался, что Вадима можно легко обвести вокруг пальца, хоть он и художник, но Вика так забавно хмурила лоб, что он только улыбнулся.

— И потом, эта его Динка... Она очень темная лошадка, а он целиком под ее влиянием.

С новой подругой Вадим познакомил родственников около полугода назад, кажется, на Славин день рождения. Николаю казалось, что Дина произвела на Вику неплохое впечатление.

На Телепина Дина тоже произвела неплохое впечатление. Девушка казалась умной и скромной. Впрочем, свое впечатление Телепин постарался не показывать. Еще мама учила его, что в присутствии

одной женщины нельзя хвалить другую, и он не хвалил.

— Викуша, не беспокойся, — успокоил Телепин. — Вадим не маленький мальчик. И никто не сможет помешать вам получить Славины деньги, я тебе обещаю.

— Коля! — жена испуганно на него посмотрела. — Но я беспокоюсь совсем не о деньгах! Я беспокоюсь о Вадике!

— Я понимаю, — кивнул он. — Я просто неудачно выразился. Постарайся ни о чем не беспокоиться, ладно? У тебя какие планы на сегодня? Поработаешь?

В последнее время Вика мало работала, и его это беспокоило. Он был слишком занят, чтобы уделять ей много внимания, и ему не хотелось, чтобы жена скучала.

— Ну какая работа, Коля? Славу убили и... — Она закрыла лицо руками.

— Не плачь, Викуша. — Он обнял ее, уткнулся в волосы. — Ну что же теперь делать?

Ему было очень ее жалко. Она искренне расстраивалась из-за всяких пустяков, и справиться с настоящим горем ей было трудно.

Опять шел дождь. Он добежал до машины, пригладил рукой мокрые волосы. Тренькнул телефон, пришла смс от банка, ему в который раз предлагали взять кредит. Он удалил ненужное сообщение и только теперь заметил вчерашний пропущенный вызов.

— Ты чего звонила, мам? — Телепин прижал телефон к уху, осторожно объехал припаркованную впереди «Ауди».

— Что-нибудь новое известно про Вячеслава? — Кажется, мать тоже ехала в машине. — Когда похороны?

— Откуда ты знаешь? — удивился он. Конечно, нужно было позвонить родителям, но он совсем замотался за последние дни.

— Вчера позвонил Вадим.

— Вадик? — еще больше удивился Телепин.

С Вячеславом и Вадимом родители виделись только однажды, на их с Викой свадьбе. Он даже не предполагал, что у шурина есть телефон его родственников.

— Вадик, — подтвердила мать и объяснила, не дожидаясь, когда он спросит: — Мы весной столкнулись с Вячеславом в театре. Он был с Ирочкой. Постояли, поговорили, потом папа пригласил их в гости. И они пришли. А потом Вячеслав пригласил нас, как раз когда Вадим принес ему в подарок картину. Ты видел, как Вадик Вячеслава изобразил? В виде средневекового рыцаря? Очень забавно.

— Ничего себе! — поразился Телепин. — А почему ты мне не говорила, что вы так тесно сдружились?

— К слову не пришлось. Да и не так уж тесно мы сдружились.

— И все-таки, — не отставал он. — Почему ты мне ничего не сказала?

— Вике это могло не понравиться, — помолчав, вздохнула мать.

— Мама, что за бред! — ахнул он. — Почему это могло не понравиться Вике?

— Ладно, Коля, неважно. — Мамин голос исчез, появился снова. — Я собиралась пригласить всех